

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

ИВАН IV
ГРОЗНЫЙ

ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ

Эдвард Станиславович Радзинский

Иван IV Грозный

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4238205
Иван IV Грозный: Астрель; М.: 2012
ISBN 978-5-271-43554-6, 978-5-271-43553-9

Аннотация

В страшные дни войны, когда немцы рвались к Москве, на стол к Иосифу Сталину попала пьеса А. Н. Толстого об Иване Грозном. Прочитав ее и, видимо, о чем-то раздумывая, Сталин несколько раз написал на задней стороне обложки одно слово – «Учитель».

Учитель... но в чем? Сталинская любовь к Грозному связана с неким важнейшим вопросом, который когда-то задал наш великий историк Карамзин. И ответ на который скрывает история самого загадочного и самого кровавого из русских царей...

Содержание

Иоанн Мучитель	4
Два Ивана	5
Из тьмы Азии	6
Первый царь	8
Преображение	12
Чаша крови	19
Грозный Иван	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эдвард Радзинский Иван IV Грозный

Иоанн Мучитель

Еще в сталинские времена наш знаменитый антрополог и скульптор академик Герасимов, восстанавливавший лица по черепам, задумал вскрыть гробницу царя Ивана Грозного. Герасимов хотел не только воссоздать портрет легендарного царя, но ответить на вопрос **как он умер? Был ли он убит, как гласила легенда, или, говоря словами поэта, «к стыду людей, он умер сам»?**

Но не захотел Сталин. То ли бывший ученик духовной семинарии не забыл историю с гробницей Тимура (когда через три дня после вскрытия тем же Герасимовым могилы, как и предупреждали старики узбеки, началась война – Гитлер напал на Россию) и теперь избегал нарушать покой царей-демонов, то ли, что скорее всего, попросту не захотел тревожить покой любимого героя.

Грозный царь воистину был любимцем грозного диктатора. Сталин несколько раз посещал *его* могилу в склепе под алтарем Архангельского собора. Общеизвестна история Эйзенштейна: Сталин осыпал милостями великого режиссера, когда тот снял фильм-панегирик Ивану Грозному, и пришел в ярость, когда Эйзенштейн во второй серии посмел не воспеть его как должно...

Занимаясь биографией Сталина, среди книг его библиотеки я нашел пьесу А.Н. Толстого об Иване Грозном. В страшные дни войны, когда немцы рвались к Москве, попала к нему на стол эта пьеса... Прочитав ее и, видимо, о чем-то раздумывая, Сталин несколько раз написал на задней стороне обложки одно слово – «Учитель».

Учитель... но в чем?

Ответ казался простым: грозный царь истребил множество бояр. И Сталин истребил партийных вельмож, которых часто называли «боярами» (как писал поэт: «А вы, кремлевские бояре из белостокских корчмарей...»).

Но чем дальше я писал эту историю, тем яснее понимал: дело не только в уничтожении бояр... Сталинская любовь к Грозному связана с неким важнейшим вопросом, который когда-то задал наш великий историк Карамзин. И ответ на который скрывает история самого загадочного и самого кровавого из русских царей...

Однако о карамзинском вопросе потом. Сначала о царе...

Его гробницу вскрыли уже после смерти Сталина – в 1963 году.

На смертном одре царь Иван принял схиму – высшую ступень монашества – и в гробу лежал в рясе и куколе.

Герасимов восстановил лицо по черепу, и старик с хищным крючковатым носом и сладострастным, презрительным «карамазовским» ртом глянул из небытия...

Два Ивана

«Тело изнемогло... болезнует дух... раны душевные и телесные умножились, и нет врача... Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого... Отплатили мне злом за добро и ненавистью за любовь...»

Кто так жалуется – страстно и возвышенно? Кто этот одинокий страдалец, столь несправедливо обиженный?

Это наш герой, царь Иван Васильевич, который всего за два года до этих слов истребил великий город Новгород. Да что город – целый край опустошил! Младенцев привязывали к матерям и топили в Волхове... А жалостливые слова эти он написал в своем завещании, и обращены они прежде всего к любимому сыну, которого он... тоже убьет!

Но первые тринадцать лет его правления были благодетельны – великая пора в нашей истории! Остальные двадцать с лишним лет – кровь и террор, избиение народа, будто царя подменили, будто дьявол вошел в него...

Темна до него история московских правителей – безликих теней, тускло отраженных в летописях... Он первый заговорил.

Он оставил множество писем, в которых – его голос, его шутки, его проклятия. Так что он сам, царь Иван Четвертый, и поведет нас по собственной истории.

Из тьмы Азии

Легенда, естественно, утверждает: когда он родился, гремела гроза. И гроза действительно гремела, но очень далеко от каменного дворца, выстроенного его дедом на месте ветхих деревянных хором московских царей...

По всей Западной Европе грохотали пушки, пустели храмы, священники брались за мечи, воздвигались эшафоты, шли религиозные войны. Реформация – Лютер, Кальвин, папские проклятия... Европе уже было явлено чудо Нового Света.

А где-то там, на Востоке, где обрывалась европейская цивилизация, из загадочной тьмы Азии перед изумленной Европой воздвигался другой «новый свет» – колосс-Россия...

Отец Ивана Василий долгое время был бездетен. «С печалью и слезами», как напишет летописец, смотрел он на гнезда, где резвились птенцы.

И эта «любовь к птенцам во гнездах» заставила его заточить в монастырь бездетную жену Соломону, откуда она прокляла и его, и будущее его потомство... Жаждавший «птенцов» Василий женился на молодой красавице Елене Глинской, дочери литовского вельможи, «переехавшего» (точнее, перебежавшего) от польского короля к московскому правителю.

Такие «переезды» туда и обратно долгое время были в обычае. Боярство при тогдашнем московском дворе напоминало, как сказал историк, «каталог этнографического музея», где были представлены русские, немецкие, греческие, татарские и литовские имена... Потомками литовского князя Гедимины были князья Мстиславские, Голицыны, Куракины, Хованские, Патрикеевы – длинен будет список Гедиминовичей... Выходцами из Литвы были и Милославские. Потомками «выехавшего из Прусс» Андрея Кобылы были Романовы и Шереметевы, от другого «мужа честна из Прусс» происходили Салтыковы и Морозовы. А сколько знатных татар выехало из Орды на службу к московским Государям – от них произошли княжеские роды Урусовых, Юсуповых, Апраксиных... Но уже при отце Василия бояре были прикреплены к Московскому княжеству клятвой и целованием креста – служить только московскому Государю...

Василий пугал двор своей любовью к новой жене: он даже пренебрег священной в Московии бородой – сбрил ее, чтобы быть приятнее молодой чужестранке. И старцы в заволжских монастырях объявили блудом брак Великого князя.

Елена не обманула его ожиданий – родила ему сына. Его назвали Иваном в память о великом деде. Иван Четвертый...

Но «любитель» птенцов Василий недолго наслаждался своим новым гнездом. Сбывалось проклятие Соломону – Василий умер, когда мальчику было всего три года. Никогда Русь не знала такого малолетнего царя.

Правительницей стала его мать. Через полтысячи лет после легендарной княгини Ольги женщина, да еще и чужеземка, стояла во главе Московского государства...

В начале правления вдовствующей Великой княгини вернулось было забытое своеволие бояр и князей, начались заговоры... Елена действовала так, как учил Василий: в темницу были брошены все претенденты на престол – и родной брат ее покойного мужа Юрий, и ее собственный дядя Глинский. И другой брат Василия, Андрей Старицкий, отправился в заточение, где заках в оковах. В темнице сидели: Рюрикович – князь Андрей Шуйский, и потомок Гедимины – князь Вельский. Все короче становился путь между дворцом и тюрьмой, все многочисленнее... Опалы следовали одна за другой, в ссылки отправлялись знатнейшие бояре. И страх вернулся во дворец.

Делами заправлял любовник Елены – князь Телепнев-Оболенский. И боярам надо было угождать могущественному фавориту...

Все хотели перемен. Так что уже через пять лет после смерти Василия «юная летами и цветущая здоровьем» Елена вдруг умерла. Опять говорили о проклятии Соломонида, но это был боярский яд...

Почти через пятьсот лет в ее останках найдут многократно повышенное содержание ртути. И череп красавицы с чудом сохранившимися рыжими волосинками поведаст ее тайну...

Когда мать хоронили, восьмилетний царь-сирота плакал и прижимался в страхе к назначенному матерью опекуну – Телепневу. Но уже через неделю князь сидел в подземной темнице. Его оторвали от плачущего маленького Ивана... Князя, перед которым еще вчера заискивали, которому доносили друг на друга, бояре приказали не кормить.

На свободу вышли все опальные князья, проделав столь же частый в те времена обратный путь – из тюрьмы во дворец. Боярский клан князей Шуйских – как и московские владыки, они вели свой род от князя Александра Невского; князья Пенковы, ведущие род свой от ярославских великих князей; Милославские и Патрикеевы – вновь заседают в Думе. Вернулись во дворец и князья Вельские – с мечтою вернуть свои уделы: Вельск и Рязань, оружием присоединенные к Москве. Мечта о прежней удельной Руси вернулась...

Но все они слишком ненавидят друг друга, чтобы объединиться и свергнуть малолетнего Ивана... И исходят в яростных спорах в Думе о боярской чести, о «местах» и об «отечестве» – кто выше на темной родословной лестнице. Спорят до мордобития – по щекам бьют друг друга, рвут бороды... И – воруют! Нагло и открыто воруют, грабят области, отданные им в «кормление».

«Кормление» – великий обычай, с него начинается тысячелетнее воровство русской бюрократии, навсегда засевшее в ее генах. Боярин, назначавшийся наместником московского Великого князя, должен был «кормиться» за счет управляемой им области. По прибытии он получал от жителей первый взнос под названием «кто сколько может» – и попробуй ему не дать! Как липку обдирали управляемых, беспощадно. Куда хуже татарского ига были для народа эти «кормления»! Князь Андрей Шуйский, «как лев кровожадный», обобрал до нитки богатый Псков – так, что в городе не стало ни богатых, ни бедных, все были нищие. Но захватившие власть Шуйские не только обирали население – они открыто грабили и царскую казну...

В небрежении, в дальних комнатах дворца растет забытый отрок, но он все видит, все запоминает. И опишет потом свое жалкое сиротство: как воровали Шуйские царские золотые сосуды и перечеканивали на них свои имена... Запомнит и жалкую шубу, в которой впервые увидел Андрея Шуйского, – ветхая была, зато потом в какой роскошной шубе хаживал князь – из царских кладовых украденной! И то, как, унижая мальчика, клал Иван Шуйский ноги на кресла, где сживал его отец, как садился на кровать, где он умер... Все запомнит мальчик, которого (как и многих будущих кровавых диктаторов) горько унижали в детстве.

Он уже знал: это они отравили его мать, они отняли у него кормилицу Аграфену и постригли ее в дальний монастырь только потому, что она была сестрой несчастного Оболенского. И самого князя, любившего его, они в оковах голодом заморили.

Кровь вокруг... Кровь и Власть.

Первый царь

С трех лет, после смерти отца, он уже присутствовал на приемах послов – маленькая кукла в царском одеянии. И первое его детское видение: он – *повелитель*... смиренные поклоны... И сейчас, после смерти матери, бояре по-прежнему выводят его к послам, надев на него дорогие одежды, чтобы потом отправить в темноту и холод нетопленных покоев. Они дрова и свечи ему жалели...

Но не заметили бояре среди своих драк – кукла-то выросла! Теперь это был высокий отрок с тонким крючковатым носом и смуглым лицом – наследство византийских предков.

Он много читал. И станет образованнейшим государем в Европе. Первое, что он усвоил: князья и бояре – воры, ограбившие не только его казну. Они посмели похитить власть, от Бога данную его роду.

Он твердо выучил: с изначала земли русской род его пришел спасти этот народ от боярской смуты. Великие воины варяги... Не силой взяли они эту землю: силой не вышло, словене, весь, чудь и кривичи отбились. А потом сами пришли к его предкам и позвали – править.

Загадка? Лишь для тех, кто не рожден на Руси. Бояре и князья так ненавидели друг друга, так изводили народ поборами и распрями, что люди собрались и решили просить прийти его предков: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите княжить и владеть нами». И князь Рюрик из племени русь с братьями и дружиной пришел... И местные князья были рады: пусть лучше чужой правит, но только не один из них.

Великое потомство дало Рюриково древо! Но бесчисленные потомки заболели местной болезнью – ненавистью друг к другу. И порядок исчез. Они разбили Русь на многие княжества и начали великую битву друг с другом. И когда пришли татары воевать русскую землю, Рюриковичи, братья по крови, радовались бедам друг друга...

Только великая власть могла обуздать хаос, воровство и грабеж, сдерживать орды, идущие из Азии. И власть эта родилась, в Москве, в великом городе, которому дано было вновь собрать Русь. И сделали это его прадеды и деда – московские потомки Рюрика...

А полтысячи лет назад здесь, на окраинах ростовской земли, посреди непроходимого бора стоял жалкий княжеский двор, где его прапрадед, князь Юрий Долгорукий встретился с союзником своим, Новгород-Северским князем. Их «обед силен» и слово «Москва» остались в древней летописи, которую читал мальчик... Видно, что-то предчувствовал князь Юрий, когда обнес княжий двор деревянными стенами, – от тех времен идет Кремль, где за стенами стоят древние соборы и его дворец. За эти пятьсот лет жалкий городок стал первым городом Руси, а все великие, прежде богатые княжества – Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское – обессилели в бранях друг с другом и кровью изошли в борьбе с татарами. Но заслонили от ханов благословенные московские земли, дали владениям его предков желанный покой... и пали под власть его деда, который сделал бесчисленных потомков Рюрика жалкими подданными, боярами на службе московских князей.

Правда, московская ветвь Рюрикова древа была немногочисленна. Великая власть убивает – и старшие в роде истребляли младших, чтоб не дробить собранную землю, чтоб избавиться от мятежей. Дед Иван Третий убил брата Андрея с двумя сыновьями, отец Василий отправил на тот свет двоюродного брата Шемяку-Рыльского... И его мать, Елена Глинская, следовала традиции – извела братьев его отца Юрия и Андрея.

Великий город отстроили его предки. Мать, пока жива была, возила его на богомолье в монастыри. Он помнил, как сразу за городом начинались дремучие леса, окружающие редкие селения при большой дороге. А за лесами – степь необозримая, откуда войной приходили татары казанские, астраханские и крымские – остатки распавшейся Великой Орды...

Он любил возвращаться в свой город. Чем ближе к Москве, тем веселее дорога: тянутся обозы, скачут всадники, лошади мчат сани... И вот уже на холме Кремль с золотыми куполами храмов. У стен, сбегая к реке, стоят бесчисленные дома: слободы ремесленников, светлое дерево на красном морозном солнце... А за Москвой-рекою дымит жаркими печами Немецкая слобода. Здесь всегда шум и гам – иноземцам разрешено пить в будни.

В Москву зимой въезжали обычно в темноте. Ночью пусто: жителям запрещено ходить без причины, только у заградительных рогаток, выставленных на ночь, стоит караул.

Полтора ста тысяч жили в Москве по переписи, которую сделал его дед.

Иван Третий, великий его дед... Это он возвратил величие исчезнувшей было в дыму татарских пожарищ, поставленной на колени стране. Это он покориł удельные княжества, объединил Великороссию – сделал ее вотчиной московских князей. Это при нем Великая Русь вновь почувствовала себя единым народом. Иван Третий Грозный – так называли его тогда. Страшен был в гневе, женщины падали в обморок от одного его взгляда.

И слушал мальчик повествования доброхотов: «Когда князь засыпал, как столбом стояли бывшие удельные князья, дыхнуть боялись, чтоб не разбудить Государя...» Но он уже понял и крепко запомнил: не гневным взглядом правил дед, но топором и публичной поркой умирал он непокорных.

Грозный Государь... Грозной должна быть истинная власть!

И он будет грозным, как его дед, и будет править покоренными князьями, как холопами. «Холопы» – так звались рабы, потомки купленных когда-то рабов, или плененных на войне, или людей, проданных за долги... И при деде его, и при отце – все, от жалкого крестьянина-смерда до князей и бояр, звали себя «холопами Государя», все писали в челобитных: «Се аз холоп твой...» Дед ввел обычай: коли ему не нравилась боярская «встреча» (встречное мнение в Думе), говорил кратко: «Пошел вон, холоп! Ты мне более не надобен!»

В книгах иноземцев о Московии (толмач переводил для него эти книги) он читал с радостью: ничто не удивляло так чужестранцев, как самовластие его отца и деда. «Воля Государей служит в Московии вместо писаных законов... и никто не смеет называть свое «своим», а называют «Государевым»... «Так угодно

Богу и Государю»... «это ведает Бог и

Государь...» – самые частые слова на

Руси...»

Князья-холопы забыли свое место – вот что он крепко усвоил с детства...

Велики были дела его грозного деда! При нем Москва поняла свое предназначение. В прошлом веке пала Византия – оплот православия, и взоры крещеного мира обратились на новую великую столицу православия – обретшую могущество Москву. И дед решился поднять павший византийский венец...

Московские книжники много говорили тогда о древних связях между Русью и Византией, о крови византийских императоров, которая текла в жилах его предков. Это его прапрабабка княгиня Анна, сестра византийских императоров, стала женой Владимира Святого, крестившего Русь. А потом был Владимир Мономах – Великий киевский князь, внук византийского императора Константина Мономаха. Как рассказали мальчику, тогда и привезли на Русь византийские святыни: венец золотой царский («шапку Мономаха», от самого импе-

ратора Константина), крест животворящего древа, бармы и сердоликовую чашу, из которой пил еще римский кесарь Август.

«Шапкой Мономаха» и был венчан Владимир. (На самом деле шапка эта была монгольской работы, и нетрудно догадаться, как попала она в московскую сокровищницу, – это был всего лишь татарский дар: какой-то хан пожаловал ее одному из покоренных Рюриковичей. Но кому нужна жалкая правда, если вымысел так величав и полезен?)

На века останется татарская шапка русским венцом, «шапкой Мономаха». А «чаша Августа» завершила творение великой легенды, ибо московские книжники утверждали, что Рюриковичи происходят от потомков самого римского кесаря Августа. Так в московских Государях соединились оба Рима – Рим кесарей и Византия.

И его дед воплотил в жизнь эту великую легенду...

В те времена в Риме бедствовала Софья Палеолог – молодая племянница последних византийских императоров. Эта сирота, жившая в опасной близости к ненавистному православному папе, хоть и не славилась красотой лица, зато радовала глаз непомерной дородностью, которую так ценили в женах московские Государи. На Софье-бесприданнице и решил жениться Иван. Не жалкое богатство, но иное, бесценное приданое должна была привезти в Москву Софья Палеолог...

И привезла. И до смерти берегла это богатство. Уже после замужества, на пелене, вышитой ею в дар монастырю, Софья не стала величать себя «Великой княгиней московской», но назвалась «царевною цареградской». Так она сама назвала свое великое приданое... Последняя наследница великих византийских императоров передала их державность (уже не в легенде) Московскому царству.

Разве мог после этого дед, наследник великой Византии, оставаться данником татарских ханов? И он отказался платить дань.

И было «великое стояние» на реке Угре. Дед встал с войском с одной стороны реки, с другой – хан. Долго стояли, ибо Иван *еще* не решался напасть первым, а хан – *уже*... И длилось «стояние» до поры, пока лед не покрыл реку. Теперь ханская конница, столько раз побивавшая русские полки, могла перейти на другой берег. Опасаясь этого, Иван дал сигнал отступить, но его воины, помня об ужасах татарских конных атак, попросту побежали. И тогда татары... побежали тоже: решили, что хитроумный московский князь заманивает их на другой берег. Так бежали друг от друга эти два войска, никем не преследуемые. Так смехом закончилась кровавая история татарского ига.

Теперь дед стал воистину кесарем. Церемонии византийского двора вошли в жизнь двора московского. Наследник Византии воздвигнет в Кремле новый каменный дворец, где родился Иван – его внук. И Грановитую палату, и главный собор державы – Успенский... Свергнув иго хана, он стал именовать себя «самодержцем» (византийский «автократор») и «Государем всея Руси».

Так ожила величавая мистическая идея... Был первый Рим – Рим кесарей. Погиб. Потом была Византия – наследница того Рима. Погибла. А теперь есть град Москва, где правят наследники властителей обоих павших империй. Москва – *третий* Рим и *последний*, ибо четвертому Риму уже не бывать. И «венец Мономаха», лежавший в сокровищнице его предков, ждал великого властителя, который первым будет венчаться в нем на царство, *первым объявит себя царем Руси*.

И вечно полуголодный, заброшенный мальчик знал: этим первым венчанным московским царем *будет он*. И он вернет на Русь время великих воинов, древних князей-завоевателей!

С детства он «стал святыней для самого себя»...

Время летит незаметно. Занятые сражениями друг с другом бояре и не заметили, что мальчику стукнуло тринадцать лет – отрок! Проморгали...

«Волчонок вырос», – говорили они потом. Не понимали: совсем другой зверь появился во дворце. Жестокость и властолюбие византийских императоров, коварство хитроумных московских князей, темперамент и отвага литовских кондотьеров – гремучая смесь... Не волчонок – тигр! Кошачья любовь к игре с жертвой, прежде чем отдаст она свою кровь... и страсти, бешеные страсти! Распалялся – и тогда действовал! В ярости – хитроумен, талантлив... В ярости – в речах убедителен...

Тогда-то он и показал боярам, кто вырос во дворце. Накануне нового, 1544 года посмел обычным языком повелителя заговорить при нем самый наглый и влиятельнейший из Шуйских – князь Андрей, и Иван, «приведши себя в бешенство», повелел своим псарям схватить думного боярина. Не увидел нового года гордый князь – 29 декабря 1543 года труп потомка Александра Невского валялся на заднем дворе... А Иван, усмехаясь, объяснял бледным боярам: случилась-де досадная ошибка, он повелел отвести в темницу возмнившего о себе боярина, да глупые псари почему-то не поняли, до темницы его не довели – зарезали... И велел, чтоб усвоили: ему уже минуло тринадцать и править теперь будет – он!

И бояре мигом вспомнили грозного деда...

«Вот тогда-то бояре и начали иметь страх Государя», – напишет современник. Их наглость, небрежение как по волшебству сменились лизоблюдством и угодничеством.

Ко дворцу тотчас вернули любимого Иваном с детства боярина Федора Воронцова, сосланного Шуйскими...

Но он знал: чтобы стать грозной, Власть должна быть и ветреной. Тогда она родит истинный Страх, а следовательно, и повиновение... И уже вскоре, в порыве так ценимого им гнева он казнит любимого Федора Воронцова. Те, кто вчера в опале, сегодня в милости, но уже завтра – наоборот. Сегодня он ненавидит бояр, а завтра прослышавшие об этом псковичи приходят с жалобой на очередного наместника, обобравшего город, князя Ивана Турунта-Пронского. И вдруг бешеный гнев царя обрушивается на них. Как смеют они бить челом на его наместника! На князя! И летописец рассказывает, с каким упоением молодой Государь «палил жалобщикам бороды... сам свечью их поджигал... и повелел класть нагими на землю и топтал их...» Кто знает, куда поведут его страсти, тигриные игры, – и бояться, трепещут... Власть!

Своими тогдашними забавами напоминал он юного Нерона. Орава всадников – Иван, окруженный толпой молодых собутыльников, – с гиканьем несется по Москве. Играют – стараются раздавить попавших под копыта горожан. Как на охоте, загоняют молоденьких женщин и, привезши во дворец, насилуют. Это тоже игра... И вмиг ставшие холопами бояре угодливо славят страшные забавы – пусть веселится Государь!

Как напишет князь Курбский: «Эти карлы, эти угодники говорили: «Ох, как будет храбр он и могуществен!»

Преображение

Но происходит чудо. На семнадцатом году жизни Ивана следуют два венчания.

16 января 1547 года произошло великое. В Успенском соборе митрополит возложил на него венец – ту самую легендарную «византийскую» шапку Мономаха. Мечта сбылась. На Руси появился первый царь.

Но титул Великого князя всея Руси он себе тоже оставил. Царь и Великий князь... Так он обвенчался с Русью.

И уже через полмесяца – второе его венчание. Не чужестранку взял, как дед и отец... Он хорошо выучил русскую историю: иноземцев на Руси бояться, с ними суеверно связывают все несчастья, от них непременно ждут нарушения старых обычаев, которые так ценит его народ. Русскую девушку решил взять в жены! И бояре, и митрополит славили эту неожиданную осмотрительную мудрость юного царя...

Сотни кроватей поставлены в Кремле. Со всех концов Московии свезены красивейшие девушки, лекарь осмотрел их... А потом пришла его очередь – избирать жену. Он выбрал Анастасию – дочь покойного московского боярина из рода Романовых.

«Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами...» Он наизусть знал Библию – образованнейший был царь...

Анастасия – первая из Романовых, взошедшая в царский дворец...

«Он ввел меня в дом пира, и зная его надо мною – любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви...» Испуг и радость ее тела... сладость единственной, которую он любил... «Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня...»

Но оба не знают – свершилось! Там, во тьме их брачного ложа уже появился призрак – будущая трехсотлетняя династия, которой суждено будет окончить свои дни в грязном подвале Ипатьевского дома...

Летом того же года загорелась Москва, и пожар был под стать году – великий, невиданный. Много раз полыхал огнем деревянный город с беспечными жителями, но такого не помнили даже летописцы.

Первый пожар был в апреле. А потом случился тот, самый страшный – в жарком июле... Митрополит, на коленях моливший Бога пощадить людей, чуть не задохнулся в Успенском соборе – на веревке спускали его в Москву-реку. Крепко зашибся тогда владыка, долго болел...

После пожара и наступило то, что должно было наступить. Потерявшие кров, все нажитое, люди с проклятиями искали виновных. Вот тогда и прошел слух: город подожгли колдовством, и не кто-нибудь, а родственники царя – иноземцы-ляхи. Вышедшим к народу боярам взбунтовавшаяся чернь прокричала, что княгиня

Анна, мать Глинских, вырезала сердца у мертвых, клала их в воду и водой этой кропила город. Поняв, что ему грозит, Георгий Глинский, дядя царя, бросился в Успенский собор. Озверевшая толпа совершила святотатство: несчастного князя растерзали прямо в Божьем храме...

А потом толпа пришла в сельцо Воробьево, где спасались от огня царь с молодой царицей, и потребовала крови Анны и остальных Глинских. Жалкие бояре умоляли: «Отдай их!» Но он уже знал разгадку Власти... Распустились людишки, разгулялись кроваво! Разве,

жертвуя новую кровь, усмиришь их? Истинный внук Ивана Третьего, он уже понял свой народ: царство без грозы, что конь без узды...

Сначала толпе сказали, что царя в Воробьеве нет. А когда страсти поутихли и стали расходиться люди, пришло время дать ему волю своему гневу. Гневу, от которого всю его жизнь в беспамятстве от страха будут пребывать его бояре...

Радостно Иван дал вырваться ярости, в неистовстве кричал повеления: стрелять в толпу, вязать зачинщиков. И стрельцы весело палили в народ, догоняли и вязали разбегавшихся. Царь повелел их казнить. И вмиг все успокоилось – повинились мятежные. Крестьясь, прося прощения у царя, шли виновные на плаху...

Именно в те дни, как потом будет вспоминать князь Курбский, из пламени страшного пожара возник поп Сильвестр – священник Богоявленского собора в Кремле, домовый церкви московских владык. Там стояли иконы святых покровителей московских Государей, и среди них – суровая икона Иоанна Предтечи, *его* икона, где живописец изобразил топор, который лежал у корней дерева, не приносящего плода...

Сильвестр заговорил с молодым Государем, «как власть имеющий». Он объявил ему, что пожары – это небесный огонь, который брошен на город за грехи Государя, за его своевольные казни. И уже первый пожар был провозвестником гнева Божьего, но царь не понял, и оттого был второй пожар... И пока не поменяет царь свою жизнь, огонь небесный будет пожирать его город, и третий пожар испепелит самого Государя, ибо грозен Бог к нечестивцам...

Поп говорил предсказаниями... Как родитель пугает неразумного сына, он пугал семнадцатилетнего царя Страшным судом, грядущими карами, которые потом Иван насмешливо назовет «детскими страшилками». Но в тот момент, как сам Иван расскажет в будущих письмах к князю Курбскому: «Дух мой и кости вострепетали, а душа смирилась во время пожара и бунта».

Страх и трепет...

И Сильвестр, который не был даже его духовником, станет на тринадцать лет главным советчиком царя, царской Мыслью (а царь будет только Властью). Поп сумеет обуздать Ивана, буйная река его страстей войдет в берега. Все эти годы будет для него Сильвестр грозным напоминанием о Небесном суде, где Государи перед Всевышним дают ответ за народ, им вверенный...

Так смирил его поп в дни огня... Пока.

Помогла и молодая жена – счастливый выбор! Иван жил страстями, а тогда была страсть к юной жене, радостной, ровной и мудро религиозной. Она, жившая по-Божьи, помогла его душе. Ушли Нероновы забавы. Любовь, прощение, чтение Евангелия – тогда он этим жил. Тигр заснул. Был мудрый царь, ответственный за народ, прекрасный и чистый душой и телом... Брак с Анастасией, вся их тринадцатилетняя жизнь останется великим временем для Руси.

Бояре заседали в Думе, но не они управляли. Вокруг Ивана собрался кружок совсем молодых людей, который впоследствии князь Курбский назовет несколько на литовский манер – «Избранная Рада».

Поп Сильвестр, незнатный дворянин Алексей Адашев, взятый царем «из гноища», из ничтожества, и еще князь Курбский, потомок могучих ярославских князей, Рюрикович, – они вместе с ним принимали тогда решения. В Раде и были задуманы великие реформы...

И пришел прекрасный миг: в 1550 году вся Красная площадь была запружена народом – со всей Великой Руси собрали именитых людей на Земский собор.

Молодой царь вышел к людям. Не во дворце, окруженный сидящими по лавкам сонными бранчливыми боярами, но на площади, запруженной народом, – как бы перед всей землей русской говорил Иван.

Его облик можно представить по воспоминаниям современников, по одеждам, висящим в музейных витринах, по костям, оставшимся в его гробу: широк в груди и очень высок был Государь. Рыжеватая борода, голубые глаза и большой тонкий крючковатый нос орла, придававший его лицу опасное выражение...

Таким он стоял на Лобном месте перед людьми своими, и ветер трепал его длинные, рано поредевшие волосы.

Как всегда перед важным поступком, он подзадорил себя, вспомнил с гневом утеснения детства, ненавистных Шуйских и, распалившись до великого красноречия, обратился к митрополиту и народу.

«Ты знаешь, Владыко... сильные бояре расхищали мою казну, а я был глух и нем по причине моей молодости...» Возвысив голос, он говорил самым знатным, чьи шапки, высокие, похожие на митры, поднимались над толпою: «Лихоимцы и хищники, судьи неправедные, какой дадите вы ответ за те слезы и кровь, которые пролились благодаря вашим деяниям?.. Я чист от крови... но вы ждите заслуженного воздаяния!»

Горели бешено глаза царя, и затаился народ на площади – ожидал великой расправы. Но он объявил, что мстить боярам и князьям не будет – пусть ответят они за все свои утеснения на Страшном суде, а сейчас... И голос его сорвался от волнения...

Он повелел всем забыть обиды и соединиться – в любви и прощении. Он объявил себя защитником людей от несправедности сильных мира сего...

И опять в глазах его были слезы, когда он обратился к иерархам и митрополиту Макарию: «Достойные святители церкви, от вас, учителя царей и вельмож, я требую: не щадите меня в преступлениях моих. Гремите словом Божиим, и да жива будет душа моя!»

Сын жалкого служилого человека Алексей Адашев был пожалован им тогда же в окольничьи. И царь сказал ему: «Взял я тебя из нищих... пожелал я не тебя одного, но других таких же... Поручаю тебе разбирать челобитные... принимать их от бедных и обиженных... Не бойся сильных, похитивших почести и губящих бедных...»

И народ плакал от радости и славил царя. И царица была счастлива. И бояре были довольны: пронесло...

Но они не знали его. Они не поняли – это была уже программа будущего.

«Пожелал я не тебя одного, но *других таких же*...» Призвать новых людей, обязанных не знатности и славе рода, но безвестных, вознесенных его милостью людишек...

Нет, он ничего не простил: ни убийства матери, ни утеснений детства. Хорошо помнил расправу с Глинскими, и подозрительнейший его ум тотчас подсказал тогда: и это сделали они, бояре! Через холопов своих натравили толпу на родичей его, мстили за падение Шуйских! Он не умел забывать...

В это же время по Москве начинает распространяться удивительная челобитная. Некий Ивашко Пересветов, служилый человек, про которого никто на Москве не знал, с какой-то удивительной, дерзостной свободой давал в ней советы самому царю... Впрочем, в челобитной было всему этому объяснение. Оказывается, не знали Ивашку потому, что служил-де он королям – польскому, литовскому и чешскому. А смелость его оттого, что происходил он будто бы от славного монаха Пересвета, погибшего геройски в битве с татарами на Куликовом поле.

Но какие удивительные советы давал таинственный Пересветов! Вся челобитная – одно яростное требование к царю: расправиться со знатными, приблизить к себе простых воинов вместо вельмож, «которые крест целуют, а сами изменяют, которые по лености и трусости ни воевать, ни управлять не умеют...» Крови бояр, грозу против вельмож требовала дерзкая челобитная. «Нельзя Государю без грозы быть...» Царю нельзя быть кротким. Царьград пал из-за кротости Константина... Быть мудрым Государю – значит быть грозным!

Подозрительно предвосхищала «челобитная» и будущие письма царя к князю Курбскому, и Опричнину, и боярские казни...

Неужели тайные царские мысли и будущие дела были продиктованы безвестным и вскоре забытым Ивашкой Пересветовым?

Скорее всего, нет. Это он сам, царь Иван, постарался. Сам и написал челобитную как своеобразный глас народный. Он великий царь Иоанн Васильевич, он и жалкий Ивашка Пересветов – его любимое раздвоение личности. Он обожал писать под чужими именами. За подписями своих бояр – Мстиславского, Вельского, Воротынского и прочих – оставит свои творения царь...

Это актерство жило в нем до смерти: прикинуться жалким и объявиться грозным. Любимые тигриные игры... Но тогда его смирили – Сильвестр и кроткая жена смогли удержать его от желанной крови. Тогда им было легко: ему было всего двадцать лет, и он был счастлив. Десятилетие будут тлеть подавленные ярость, гнев и месть. Но когда вырвутся...

А пока шли его реформы. Вместо устаревших неясных законов вместе с «Избранной Радой» он создавал первый Судебник – свод законов Государства Московского.

Отныне всякому поместью, которым владел знатный человек, по закону соответствовала определенная служба. С каждых пятидесяти десятин землевладелец должен был выставить ратника на коне, да еще и запасную лошадь в придачу, или откупиться. Теперь, уже по закону, все знатные люди были объединены главным – военной службой Государю.

Попытался он урегулировать и отношения с церковью. Только в некоторых городах монастыри в случае войны выставляли ратников. Между тем земли у церкви становилось все больше – уже треть государства находилась в ее руках. Умирая, грешные люди старались замолить свои грехи и часто отдавали монастырям свои владения.

Спор об этих землях резко разделил русскую церковь. Знаменитые «нестяжатели» во главе со старцем Нилом Сорским, человеком святой жизни, выступали за возвращение к временам апостолов и древнего христианства – за аскетизм церковной жизни. Они проповедовали отказ от землевладения, от крестьянского труда – чтобы в монастырях трудились только сами монахи. Церковнослужители, принадлежащие к кругу Великого старца, обличали распутство, которое царило порой в обителях, особенно в тех, «где купно проживали монахи и монахини», лихоимство, и главное – невежество, эти бесконечные апокрифы, басни, сочиненные и переписанные полуграмотными попами...

Но церковь от земли не отказалась. Собор 1531 года объявил «нестяжателей» еретиками. Сторонники Нила Сорского подверглись суровому наказанию, в темницу Симоновского монастыря отправился знаменитый Максим Грек.

Это был великий подвижник и церковный мыслитель, объездивший в юности всю Европу, друживший с гениями Возрождения. Проповеди Савонаролы перевернули его душу. Он постригся в монахи, жил в знаменитом Афонском монастыре, где прославился великой ученостью. Из Афона и был отправлен на Русь по просьбе отца Ивана, Василия, который просил «прислать ему ученого грека». Максима встретили ласково, поселили в Чудовом монастыре в Кремле. Он перевел множество богословских сочинений из библиотеки Вели-

кого князя, проверял церковные книги, где нашел множество ошибок, – «разжигаемый божественной ревностью, очищал плевелы обеими руками».

Но «многие нестроения» московской жизни он стерпеть не мог. Он объявил, что «неприлично, бесполезно и опасно» владеть монахам землею, вызвав ненависть тогдашнего митрополита Даниила. И когда он посмел выступить против греха – расторжения брака Василия с Соломониной, – чаша терпения переполнилась... Так начались страдания Максима Грека.

В 1551 году по просьбе молодого царя был созван новый Собор для обсуждения церковной реформы. На него съехались иерархи со всей Великой Руси. «Предметы рассуждения» Собора разделены были на сто глав, и прозывался он с тех пор «Стоглавым собором». Остались вопросы царю Собору и ответы на них. Царь говорил о дурном употреблении церковных земель, о грешной жизни многих священников. С изумлением выслушали иерархи знакомые им еретические рассуждения Нила Сорского и заволжских старцев из уст царя... Ответы их были ловко-уклончивы, менять свою сытую жизнь они не собирались. И великий книжник митрополит Макарий занял свою обычную позицию в споре – не занимать никакой позиции. Благодаря этому он и оставался митрополитом во все годы изменчивого Иоаннова правления.

Когда Максим Грек из темницы своей умолял Макария о помощи, митрополит отвечал классической фразой: «Узы твои целую... яко одного из святых, но помочь тебе не можем...»

Но все-таки в чем-то им пришлось уступить царю, «многомудру и искусну в споре», – церковь лишилась права приобретать вотчины без согласия светской власти. Рост церковных земель замедлился.

Иван навсегда запомнил, как они ловчили, как изводили его уловками и, главное, не боялись его гнева. Хотя все было так ясно – он требовал от них вернуться к праведной жизни и отдать такую нужную государству землю! И когда в нетерпеливом бешенстве он захотел обличить иерархов – Сильвестр не дал. Поп стал объяснять ему сложности церковной жизни, требовать терпимости: «Церкви нельзя грозить!» Сильвестра поддержали царица и Адашев.

Он часто оставался один против них всех. И он сдался... Пока.

Сильвестр написал для молодого царя бессмертную книгу – «Домострой». Эта книга (которая на самом деле есть компиляция из древних рукописей) была создана по образцу «Поучения Владимира Мономаха», одного из любимых предков Ивана.

«Домострой» – удивительное зеркало, в котором застыло изображение исчезнувшего мира. Мира религиозной и житейской мудрости, семейного благочестия Древней Руси, мира Рабства и Власти.

Во второй половине XIX века наш великий драматург Островский откроет перед русским обществом заповедный мир купеческой Москвы. И страна поймет с изумлением: оказывается, древний мир, описанный в «Домострое», жил и заботливо сохранялся в России – в приземистых каменных домах московских купцов...

Рабство и Власть повелевают всей жизнью семьи и жизнью главной героини «Домостроя» – знатной женщины, боярыни или княгини.

Проклятиями «вкусившей от змия» наполнены переводы множества церковных византийских книг в монастырских библиотеках: «Женщина есть существо двенадцать раз нечистое... сеть для мужей...» и прочее, и прочее, включая знаменитый рассказ о древнем философе, который предпочел жениться на лилипутке, сказав знаменитое: «Я лишь выбрал

наименьшее зло». (Кстати, множество таких же цитат приводят авторы «Молота ведьм» – этой беспощадной инструкции инквизиции по охоте за «ведьмами». Весь XVI век в просвещенной Европе горели костры, на которых были сожжены тысячи женщин.)

В Московии «женский вопрос» был решен менее радикально. «Опасный сосуд греха» было решено усердно прятать – и боярыня «сидит за двадцатью семью замками и заперта на двадцать семь ключей...» В терем знатной затворницы ведет особый вход, и ключ от него у господина – мужа. Из теремного окна видит она только двор, обнесенный высоким забором. Она не может увидеть даже самое себя, потому что в доме времен Ивана нет зеркал – они объявлены «грехом», ибо через эту лазейку в женскую душу, столь склонную к соблазну, может войти дьявол...

День затворницы начинается рано. Не слуги должны ее будить – она будит слуг и следит, как они работу свою исполняют. «Сама никогда бы не была без дела... и если муж придет, сама бы за рукодельем сидела...»

И все время ей следует думать, как угодить мужу – Власти! Ибо жизнь внутри дома есть зеркальное отражение жизни за окном. Вертикаль Власти пронизывает московский мир. Государь – это Бог для подданных, муж – государь и Бог для жены и слуг. «Жены мужей обо всем спрашивают и во всем им покоряются...»

Как Государь строго, но по-отечески должен наказывать подданных за проступки и неповиновение, так и государь-муж должен карать нерадивую жену. И «Домострой» подробно описывает, каким должно быть наказание. Бить боярыню следовало не перед слугами, но наедине. Стегать надо плетью, не забывать «полезные правила битья»: «По уху и лицу не бить, и по сердцу не бить... не бить ни кулаком, ни посохом, ни железным, ни деревянным» (не знающие полезных правил, видно, часто бьют и кулаком, и посохом). Но люди разумные и добродетельные, «сняв с нее рубашку» (эротика тут ни при чем, так добро сохраннее), умеют «вежливенько побить плеткой», а потом простить жену и помириться...

В темной карете, пряча лицо, ездит теремная затворница по городу, через пузырь окна видит жизнь простого народа. Она совсем иная – разнузданная, пьяная жизнь людей, которые не очень-то опасаются дьявола. У них общие бани – там вместе моются голые, распаренные, часто подвыпившие мужики и бабы... «Руси есть веселие пити» – так сказал не кто-нибудь, сам Владимир Святой! И иноземец Олеарий, дивясь, описывает: из кабака вышла пьяная женщина, упала на мостовую, на нее набросился пьяный мужик, и все непотребство случилось на глазах хохочущей толпы...

Среди этой нищей, пьяной и срамной толпы ходили юродивые – эти живые святые Московской Руси...

Вот он, нагой человек в веригах, зашел в лавку, забрал, чего хотел, и пошел прочь. Хозяин вослед ему только низко кланяется – большая честь, коли зашел к тебе юродивый. Но и большое испытание: если намешает чего в тесто ловкий купец или еще как словчит, юродивый есть не будет, Божьим даром все почувствует и молча пирог в снег выкинет... Однако на этот раз дело чистое: пироги поел и прямо по снегу, шепча и выкрикивая нечленораздельные слова, пошел этот удивительный святой.

Юродивые... «безумные Христа ради», чьими грозными словами, а порой открыто срамными поступками Бог обличает наши пороки, которые мы стремимся держать в тайне. Этим странным подвижникам ниспослано великое чудо – пророчествовать. Знаменитый юродивый Василий Блаженный, живший на Москве, предвидел великие пожары и горячо молился накануне... И сам царь Иван говорил о Василии, подвергавшем себя постоянным мучениям и отягчавшимся тяжелыми веригами: «Провидец и чтец мыслей человеческих».

Один из псевдонимов, которыми любил подписываться обожавший самоуничтожение царь, – «Парфений Юродивый»...

Когда Москва будет хоронить Василия, царь с боярами понесет его одр. В чудном храме, построенном на Красной площади, упокоятся его мощи, и народ будет звать этот храм именем жалкого нищего – Василия Блаженного.

Сам Сильвестр сочинил в «Домострое» лишь одну, последнюю главу – «Благословение от Благовещенского попа Сильвестра моему единородному сыну Анфиму». В ней загадочный поп, возникший из московского огня, упомянул о своей прежней жизни (оказалось, до Москвы служил он в Новгороде): «Видел ты, сколько сирот и рабов убогих мужского и женского пола в Новгороде и Москве я вскормил до совершенного возраста...» Поведал он и о своих правилах жизни: «Ты, сын, всякую обиду на себе неси и терпи, терпи... Если случится общая брань, лучше ударь своего, только чтоб брань утолить...»

Но соблюдение правил христианской жизни, как учит своего сына Сильвестр, важно прежде всего потому, что... «приносит выгоду»!

Впрочем, вряд ли сам Сильвестр так думал. Скорее, это была единственная и самая легкая возможность доказать сыну, что надо выполнять христианские заповеди. Ибо, к сожалению, как справедливо отмечал наш великий историк Соловьев, русский человек не слишком изменился с X века, со времен силой уничтоженного язычества. Людям было трудно понять, почему надо возлюбить ближнего, как самого себя. Приходилось доказывать по-язычески – выгодой.

Поразительное сочетание христианства с язычеством в душах людей отражает нравы Московии. Именно поэтому столько внимания и уважения здесь уделяли церковным обрядам – это были своеобразно преломленные в сознании вчерашние языческие заклинания.

Эту слабость душ и докажет Смута...

Заканчивая «Благословение», Сильвестр подвел итог – о выгоде своей праведной жизни: «Подражай мне. Смотри, как я почитаем и всеми любим... потому что я всем уноровил...»

Но это – грех! Невозможно «всем уноровить», если хочешь прежде всего «уноровить» Богу, – об этом столько сказано в Евангелии, которое так любил цитировать поп. И скоро придется узнать Сильвестру эту Божью правду на собственном опыте...

Чаша крови

Пришло время похода на Казанское ханство. Рядом с Иваном скакал его двоюродный брат, последний удельный князь, оставшийся в живых, – Владимир Старицкий. Отца его погубила в тюрьме мать Ивана... И вот царь по молению Сильвестра искупил грех – выпустил из темницы Владимира и по-братски около себя держит... Пока.

Великий день Руси приближался.

Сперва Иван обратился к хану и казанцам – просил их сдаться, но они, как и подобает храбрым воинам, ответили: «Умрем или отсидимся в крепости!» И тогда царь сказал своей рати: «Изопьем общую чашу крови, братья!»

Наступило *то* утро. В благостной тишине звучали только бубны и трубы, когда грянули два чудовищных взрыва и стены казанские, и обломки строений, и останки людей поднялись в воздух и пали на город. Это взорвался порох в подкопах, и в проломы стен ринулась рать.

Уже теснили казанцев к ханскому дворцу, когда началось постыдное... Богат и велик был город Казань, и царские ратники, забыв о битве, начали грабить. Царь знал слабости своих воинов, он все предусмотрел – за ратью шли царевы люди с обнаженными мечами, чтобы не допустить «опасного срама». Но не знал он, что и надзирающие тоже радостно примут участие в грабеже.

И вот уже потеснили его рать, уже татарские сабли рубили русские головы, уже слышался крик страха и боли: «Секут, секут!» – когда Иван показался у городских ворот с новой ратью, которая решила исход сражения. Его воины были беспощадны – «трупы лежали вровень со стенами»... Но оставшиеся в живых казанцы отказались сдаваться. Они пытались вырваться из горящего города и все погибли. Только своему хану не позволили умереть – выдали его живым.

Иван крестил татарского повелителя – это был символ победившего православия. Крест воссиял над поверженной Казанью.

Величественное послесловие к татарскому игу!

Надо было жить в то время, чтобы понять впечатление победы. Ржанье татарских коней – страшный голос набега, за которым следовали кровь, пожары и рабство, могущество кривой азиатской сабли – все становилось историей. Осталась только татарская кровь в жилах потомства изнасилованных женщин, и вчерашние завоеватели будут еще долго напоминать о себе – узкими глазами рождавшихся русских младенцев.

Впервые Запад пошел на Восток. Впервые Азия отступала. Впервые после татарского рабства на Руси явился молодой царь, который вернул великие времена князей-завоевателей. И со слезами умиления его любимец и бесстрашный воевода князь Курбский, заслуживший в кровавой сече прозвище «бич Казани», славил царя...

А потом пришла очередь Астраханского ханства. И он завоевал его.

К Астрахани его воины плыли по великой реке Волге. И они видели развалины Старого Сарая – заброшенной древней столицы Золотой Орды. Сколько лет в эту татарскую столицу, «горький памятник русского стыда», приезжали на поклон, а часто и на смерть, русские князья... Но это был прошлый стыд, впереди была слава – плен Астрахани.

Между завоеванием Казани и падением Астрахани произошло тревожное событие, впрочем, скоро забытое. Между тем оно оказалось впоследствии роковым для многих.. Все началось с того, что Иван внезапно заболел и хворь его была объявлена смертельной.

Все были уверены, что душа его готовится отлететь. А в это время князь Владимир Старицкий, двоюродный брат царя, выпущенный им из темницы, и мать его пиры устраивали! Будто не Государь и родич их на смертном одре лежит, а радостное происходит...

Он был великим актером, как и многие деспоты. Заболел ли он или только сделал вид, что заболел, – мы никогда не узнаем, тайна погребена вместе с ним.

Во всяком случае, внезапная болезнь, столь же внезапно завершившаяся благополучным выздоровлением, дала ему возможность многое проверить.

Со «смертного одра» он призвал бояр целовать крест его малолетнему сыну – и вмиг осмелели вчерашние рабы, раздались непокорные голоса: «Не хотим пеленочника, а хотим князя Владимира Старицкого!» И многие бояре целовать крест сыну Ивана не захотели. В темных переходах дворца, под низкими сводами палат толпились, шептались, плели заговоры те, кто втайне ненавидел его и весь род московских Государей. И были с ними даже те, кто любил его, ибо страшились они, что при малолетнем его сыне власть опять захватят временщики – родичи царицы, не жаловавшие Адашева и всю «Избранную Раду». Потому-то отец Адашева, царского любимца, вознесенного им из ничтожества, захотел присягнуть Старицкому. И казначей его верный, Фуников, тоже решил к Владимиру перейти. Они отдавали на гибель царского сына, ибо хорошо знали: удавят младенца бояре, как только отец глаза закроет.

Так свершился этот, как впоследствии назвал его сам Иван, «мятеж у царевой постели»... Но самые умные были молчаливы – они знали, как надо действовать: «Заметь их имена и запиши». Хорошо выучили их отцов московские Государи...

Сильвестр метался между ним, умирающим, молившим присягнуть сыну, и мятежными боярами.

Поп всем пытался угодить, всех примирить, вместо того чтобы стыдить тех, кто законному царю крест целовать не хотел. Всех уговаривал – и тех, кто царю хотел быть верен, и тех, кто сомневался... Так он о пользе государства заботился, забыв о верности ему, царю.

Сам Иван писал потом о взбунтовавшихся боярах: «Воспятались они, как пьяные... решили, что мы уже в небытии... забыв присягу нашему отцу: не искать другого Государя, кроме наших детей... задумали... посадить на престол князя Владимира... а младенца нашего погубить...»

С великим трудом усовестили их тогда немногие верные царю бояре, заставили образумиться. Но те лишь вид сделали, что образумились. Решили обождать, пока царь не преставится.

А Иван выздоровел. Однажды застали его бояре сидящим на ложе, и царь объявил им со смешком, что Бог исцелил его...

Сразу после болезни он отправился на богомолье с женой и сыном в Кирилло-Белозерский монастырь – по случаю своего чудесного выздоровления. Из паломничества он привез рассказ о встрече с бывшим коломенским епископом Вассианом Топорковым, когда-то в миру верно служившим его отцу Василию, а после его смерти лишенным епархии боярами. Дескать, монах сказал ему: «Никому не позволяй учить себя – будь сам всем учителем.

Ибо Государь должен учить, а не учиться, повелевать, а не повиноваться».

И неподвижно, мрачно было лицо царя, когда он пересказывал соратникам из «Избранной Рады» слова старца. Будто завет отцов, забытый им, пересказывал...

Но еще силен авторитет Сильвестра, еще верит царь в адашевский ум, еще ценит Анастасия и попа, и Адашева, прощая окольному нелюбовь к своим родичам. Нет, не смеет еще Иван против них выступить. Но внутри него уже разгорается пламя... Дуб растет медленно, но живет века – так и гнев, и зломыслие великих тиранов. До смерти он им не забудет «мятеж у постели» и потом напишет князю Курбскому: «Вот каким вашим доброжелательством насладились мы от вас во дни болезни».

Так прозвенел первый удар колокола. А бояре не слышали. Не поняли...

Впрочем, его сыну-младенцу жить суждено было недолго. По дороге в Кириллов была у царя еще одна встреча, о которой он не любил рассказывать: в Троице-Сергиевой лавре встретился он с Максимом Греком, которому разрешено было наконец покинуть заточение. И праведник осудил Ивана за его паломничество. Он посоветовал ему, вместо богомольного усердия, «благовотворить на престоле», позаботиться о многих сиротах и вдовах, льющих слезы и в нищете пребывающих после «избиения войска в Казанском походе», чтобы Господь не разгневался и не отнял у него собственного младенца.

И вскоре кормилица глупая в реку уронила его первенца – застудили сына. Скончался младенец уже в дороге... Но судьба была тогда милостива к нему. Еще двоих сыновей родит ему любимая Анастасия – Ивана и Федора.

Минуло пять лет после болезни. Уже пало Астраханское ханство, а он все продолжал свои великие завоевания. Сильвестр предложил ему завоевать Крым – и вся «Избранная Рада» решила так. Они говорили: страна желает покончить с татарским унижением.

В Крыму, за Перекопом, сохранялся злой остаток татарского пленения Руси – разбойное Крымское ханство. По дикому Муравскому шляху – на маленьких быстрых лошадях, не разжигая костров, без еды – молниеносно пересекали крымцы всю Русь, сжигая и грабя города. И возвращались обратно с ременными корзинами, привязанными к седлам, откуда высывались светловолосые детские головы. Историк напишет: «Невольничьи рынки в Турции задыхались от белокурых красавиц с голубыми глазами и мальчиков с льняными волосами». А купцы, глядя на бесконечную процессию русских невольников, вопрошали: «Остались ли еще люди в той стране?»

Но Иван выбрал Ливонию – выход к морю, путь в Европу, на Запад. Ливония (нынешние Эстония и Латвия) принадлежала когда-то его великим предкам и была завоевана рыцарями Тевтонского ордена.

Однако от древних воинственных традиций ордена остались только предания. Обильные пиры, потаскухи и отсутствие войн сделали свое дело – рыцари превратились в сытых феодалов. Потомки воинов жили в неге и роскоши, долгий мир, превративший Ливонию в земной рай, отучил их от сражений. Теперь их земли стали лакомым кусочком, о котором мечтали и Речь Посполита, и Дания, и Швеция.

Иван решил вторгнуться в Ливонию первым.

Отказ от нападения на Крым он объяснил своим сподвижникам тем, что, дескать, опасается войны с Турцией, которая поддержит Крымское ханство. Члены «Избранной Рады» изумились его строптивости. Они считали дело решенным, ибо отвыкли от того, что царь может их не послушать. Они начали убеждать Ивана, говорили: если напасть на Крым, выступить может одна Турция, а если воевать с Ливонией, встанут и Речь Посполита, и Дания, и Швеция – европейское войско, с которым не сладить хоть многочисленной, но плохо обученной его армии...

Соратники громко сердились. «Поп... с вами, своими советчиками, жестоко нас порицал», – писал Иван потом.

Он знал: они правы! Но это был главный миг его жизни, давно задуманный бунт против непрошенных советчиков, похитивших его волю. Хватит! То, что позволял он им в свои юные годы, теперь, в годах мужества, не позволит! Они, как ровня ему, смели высмеивать его решения. Теперь многолетнее унижение закончено!

«На меня вы смотрели, как на младенца... Взрослый человек, я не захотел быть младенцем... и если смел я возразить самому последнему из советчиков, меня обвиняли в нечестии, – писал он впоследствии одному из главных «советчиков», князю Курбскому. – Не как к владыке вы ко мне обращались... с надменными речами».

Все, что копил он в себе, прорвалось! И они увидели царский гнев и услышали его яростный голос: «Ливония!»

Ливонцы предвидели войну. С тех пор как русский царь покорил татарские ханства, ждали они неотвратимого. И оттого постановили: не снабжать Ивана оружием, не пускать к нему мастеров-оружейников.

Решив начать войну, царь-актер устроил представление: позвал на пир ливонских послов. Но на щедром царском пиру, где лилось рекой вино и ломился от яств стол, ливонцам ничего не дали. Они сидели, окруженные пьющими и едящими, но их обносили едой и чашами. А потом голодных послов выгнали прочь с пира.

Вослед отъехавшим оскорбленным послам Иван послал «устрашительный поход». Огромная разноплеменная армия (русские, покоренные татары, послушные ногайцы) вторглась в Ливонию. Рыцари заперлись в своих замках, бросив городские посады и беззащитное население на произвол судьбы. И полудикая азиатская орда жгла, грабила, убивала, насиловала женщин и тут же вспарывала им животы...

Так началась Ливонская война, которая продлится два с лишним десятилетия.

Грозный Иван

А потом пала последняя узда, сдерживавшая его страсти, – умерла Анастасия. Ее смерть разделила Иваново царствование: как когда-то женитьба на ней была началом великого и светлого, так сейчас ее уход стал началом явления нового царя.

Анастасия умерла от болезни. Но он, видевший столько боярских злодейств, должен был заподозрить (и охотно заподозрил) – бояре отравили! Хотя, когда Анастасия закрыла глаза, никаких обвинений никто от него не услышал.

Тогда он не посмел... Тогда была только скорбь – нечеловеческая, яростная. Ушла единственная, которую он смог полюбить, которая его понимала и любила. Не боялась – любила. Следующие будут бояться...

Ее прах в белом саркофаге (вместе с прахом матери Ивана и бабки, знаменитой Софьи Палеолог) лежит сегодня под сводами подвала Архангельского собора. После уничтожения в 1929 году большевиками Вознесенского монастыря (там хоронили московских цариц) через Соборную площадь на телегах повезли древние гробы к Архангельскому собору. И Софью Палеолог, и жену великого Дмитрия Донского, и Елену Глинскую, и Анастасию – всех ждало страшное переселение. Через пробитое отверстие саркофаги были спущены в подвал собора...

Мне удалось их увидеть. По крутой лестнице, держась за выбитые в камне перила, я спустился в подвал, заставленный белыми гробницами. Стоя над разбитым саркофагом матери Ивана, Елены Глинской, где видны были кости и остатки истлевших одежд отравленной красавицы, смотрел я на стоявшую у самой стены мраморную гробницу Анастасии. Там, под плитой, лежала она, чья смерть перевернула историю Руси...

Впоследствии, решив обвинить врагов своих в отравлении Анастасии, Иван напишет князю Курбскому: «За что с женою вы меня разлучили?.. *Если бы не отняли юницы моей... Кроновых жертв бы не было*».

Кронос – кровожадный отец Зевса, пожиравший своих детей... Теперь и он будет пожирать вверенных ему детей – потомков великих родов.

Уже вскоре после ее смерти начались Кроновы жертвы...

Первым пал Сильвестр: надоел он царю. Как писал сам Иван: «Грянет ли гром, заболит ли ребенок – во всем учил видеть поп наказание Божье». В семнадцать лет он еще боялся, но теперь, в тридцать, ему были смешны поповы «детские страшилки».

Падение временщиков обычно означало их казнь. А он Сильвестра не тронул – помнила еще царская душа «страх и трепет» в дни пожара. «Отнесся к попу милостиво» – просто прогнал из Москвы, сослал в белые ледяные ночи: сначала в Кирилло-Белозерский, а потом в Соловецкий монастырь. Пусть учится, постигает – нельзя «всем уноровить».

Алексея Адашева он отправил в Ливонию – сначала воеводой, затем наместником. Но потом не выдержал – повелел взять под стражу и учинить суд над вчерашним любимцем. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...» Но не захотел он казни Адашева на глазах у радостных бояр, и вчерашний царский любимец подозрительно скончался в одночасье.

А вот брата его он казнил... Ибо вскоре детская мечта его осуществилась: он стал грозным, и таким грозным, что дедово прозвание потомки навсегда забудут. Грозным в русской истории останется он один – царь Иоанн Васильевич.

Все сподвижники Адашева отправились кто на плаху, кто в монастырь – закончилась «Избранная Рада»... К 1560 году только один из ее членов по-прежнему жил во славе и на

свободе – князь Андрей Курбский, потомок владык когда-то великого Ярославского княжества, воевода, прославившийся во многих битвах, «добрый и сильный», сподвижник вчерашних Ивановых реформ... Царь отправил его на Ливонскую войну главнокомандующим – Первым воеводой Большого полка...

Похоронив любимую жену, Иван скорбел, но по-царски. Новый брак открывал великие возможности венценосному вдовцу...

Начиная войну с Ливонией, он понимал, что Речь Посполита в стороне не останется. Брак с польской принцессой мог бы ее нейтрализовать... И уже через несколько дней после смерти Анастасии русское посольство отправилось к польскому королю Сигизмунду Второму, у которого было две сестры. Послам было велено посмотреть, какая из них краше, здоровее и, главное, дороднее. (Изобилие трапез, обязательный долгий сон после обеда и отсутствие движения у людей знатных порождали тучность, дородность, которые у мужчин были признаком человека важного, имеющего право на уважение, а у женщин – необходимой частью красоты.)

Пока послы описывали в подробных донесениях, кто из принцесс дороднее, Сигизмунд отказал Ивану. Польский король предпочел получить Ливонию и вскоре выступил войной против Государя всея Руси.

Но Иван нашел себе пару. Когда-то страх и трепет перед Богом помогли ему обрести любовь и согласие с Анастасией, теперь требование абсолютного подчинения, ненависть к любому прекословию, жажда отмщения, казалось, породили вторую Иванову жену.

Новой владычицей царской постели стала черкесская царевна Мария Темрюковна – дочь кабардинского князя Темрюка, который должен был теперь помогать ему в защите от набегов крымского хана. «Черная женщина» – с черными волосами, с глазами словно горящие уголья, «дикая нравом, жестокая душой»... Восточная красота, темная чувственность и бешеная вспыльчивость... Во дворец пришла Азия. Восточная деспотия, насилие – азиатское проклятие России... «Пресветлый в православии», как называл Курбский молодого Ивана, навсегда исчез...

Теперь вместо прежних любимцев, мыслителей из «Избранной Рады», во дворце – иные люди. Беспробудно пьют, веселятся... непрерывный пир, точнее – оргия. На многочасовое царское застолье приглашаются скоморохи, шуты и даже колдуны, которые нынче – в царевой свите.

Колдунов и колдуний из Лапландии держит теперь православный царь у себя во дворце! Впрочем, и русские скоморохи считались не только лицедеями, но и кудесниками. Это была потаенная, языческая Русь, все время существовавшая рядом с православием... В ворчанье прирученного медведя, которого скоморохи водили по городским дворам для забавы народной, в звуках ветра и даже в человеческом следе на песке читали они судьбы людские. Скоморох мог взять горсть земли из-под ног прошедшего человека, прочесть заговор и сгубить его. Опасны были эти люди – языческая смесь актеров и колдунов...

Во время пиров с шутами и скоморохами, плясавшими в древних потешных масках, полюбил Иван кроваво потешаться над гордыми боярами.

Когда начались поражения в Ливонии (битвы под Улой и Невелем), царь не мог признать неудачи своей армии. Всем бедам в государстве, как и положено деспоту, знал он всегда только одно объяснение – заговор и измена боярская... Так погибли два знаменитых воеводы из славного рода Оболенских – князь Михаил Репнин и князь Юрий Кашин, участвовавшие в ливонских баталиях.

Гибель Репнина царь-актер поставил театрально... Во время пира, когда с гиканьем и свистом у царского стола плясали любимые царем скоморохи, Иван повелел славному воеводе напялить скоморошью маску и тоже плясать. Но князь отказался присоединиться к «проклятым церковью колдунам», с достоинством отшвырнул прочь маску, протянутую царем.

И царь разрешил этот спор между повелением Государя и религиозными установлениями. Во время всенощной за Репниным пришли в его домовую церковь. Осанистый боярин стоял на коленях – молился. Близ алтаря его и убили... Зарезали в ту же ночь царские слуги и родича Репнина, князя Кашина, – тоже подождали, когда он пойдет на молитву, и убили, «наполниша кровью весь помость церковный».

Пусть знают: Бог не спасет от гнева Государева. Все должны по-холопы чтить отныне одну волю – его, царскую. Она теперь – воля Божья.

И убивал теперь царь в церквах, со скоморошьей шуткой, скаля зубы над человеческой смертью. Боярин Никита Казаринов-Голохвастов бежал от царского гнева в монахи и даже принял схиму, «ангельский чин». Но царь велел казнить его, сказав, усмехаясь: «Он у нас теперь ангел, и подобает ему на небо взлетети».

Пришла первая опала на князя Владимира Старицкого и его старуху мать – царь начал платить по давним долгам, за далекий «мятеж у царской постели». Но пока он оставил их в живых. Пусть поживут в страхе ожидания кары – это куда хуже смерти...

Между тем в Ливонии оставался последний призрак ненавистной ему теперь поры – князь Андрей Курбский. В то время Ивановы войска одержали славную победу под Полоцком – пожалуй, последнюю великую победу.

Из-за раны князь Андрей не участвовал в битве, и это тоже показалось Ивану подозрительным...

Вскоре князь был отозван из войска и послан наместником в Юрьев (ныне – эстонский город Тарту). Курбский помнил: гибель Адашева началась с назначения наместником именно в этот город. Слыхал князь и обо всем, что происходило на Москве, где споро работали топор и плаха...

Была ночь, когда князь позвал жену и спросил: чего она пожелает – остаться с будущим мертвецом или расстаться с живым? И выбрала княгиня... Расставание было кратким. Он поцеловал маленького сына, и слуга Василий Шибанов помог дородному князю перелезть через городскую стену, где ждали оседланные лошади. И Курбский поскакал к Иванову врагу – польскому королю.

Уже из Литвы князь Андрей отправил свое первое послание Грозному. По рассказу «Степенной книги», слуга Курбского Василий Шибанов доставил это знаменитое письмо в Москву и прилюдно вручил царю, когда тот стоял на Красном крыльце. Как равный равному писал потомок ярославских князей потомку московских «кровопийственных», по выражению Курбского, князей, которые не ратными подвигами, но «скопидомством и хитростью, прислуживая неверным» захватчикам-татарам, завоевали русскую землю...

На глазах народа Иван взял письмо, а потом молча пробил ногу посланца острым концом своего посоха. И, опираясь на посох, неторопливо читал царь послание князя Андрея, а Шибанов терпел нечеловеческую боль. Истекая кровью, уже умирая, верный слуга славил пославшего его на смерть господина...

Кстати, царь в ответном письме своем Курбскому, укоряя князя за то, что нарушил крестное целование служить ему, Ивану, писал: «Как же ты не стыдишься раба твоего Васьки Шибанова? Он ведь сохранил благочестие свое и перед царем, и перед всем народом... стоя на пороге смерти, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя и вызываясь за тебя умереть...»

После гибели Шибанова следующие письма от Курбского доставлялись царю проверенным способом XVI века: их тайно подбрасывали в Кремль. Назывались такие письма «подметными»...

«Приняв и прочитав внимательно» послание Курбского, царь пришел в бешенство. Князь хорошо его изучил, стрелы попали в цель – все укоризны в избиении «добрых и сильных» бояр, имена погубленных им воевод, напоминания о том, чего он будет страшиться до самой смерти: о Страшном суде, о безвозвратно ушедшей праведной жизни, а главное – об угрызениях совести, с которыми Грозный всю жизнь будет бороться. Он будет молиться, простаивая часы на коленях, молиться яростно и страстно, чтобы потом... безудержно грешить. И вновь молиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.